

Т.А. Михайлова (Москва, Россия)

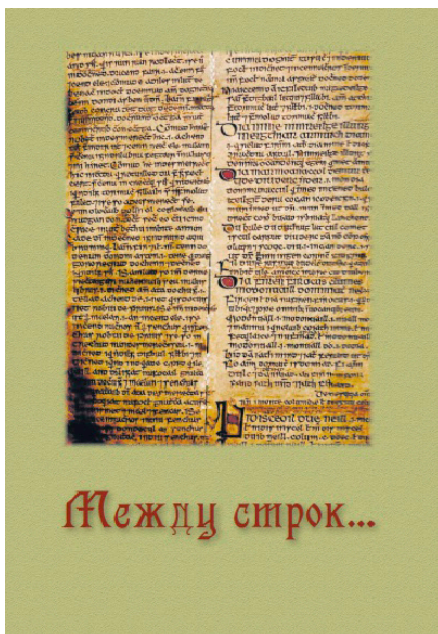
Круглый стол «Между строк... или Грамматика нереального-3». 20 декабря 2019 года

T.A. Mikhaylova (Moscow, Russia)

The Round Table «Between the Lines... or Grammar of the Unreal-3». December 20, 2019

20 декабря в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось очередное заседание круглого стола «Грамматика нереального», на этот раз уже третье. Формально это заседание проводилось в рамках проекта РФФИ¹, однако на самом деле для отчетности перед фондом это было не так уж обязательно и, более того, среди мероприятий, планируемых в 2019 г., вообще не предусмотрено. Решение вновь собраться всплыло осенью 2019 г. как-то само собой, и незапланированный круглый стол, на этот раз с названием «Между строк... или Грамматика нереального-3», все-таки был проведен на филологическом факультете МГУ 20 декабря 2019 г., и его материалы вновь были изданы (о предыдущих круглых столах «Грамматика нереального» см.: [Михайлова 2018; Старостина 2019]).

На этот раз к участию в заседании были привлечены исследователи, формально не входящие в научный коллектив проекта, но работа которых в той или иной степени соотносится с общей тематикой, а точнее – проблематикой: выявлением грамматических черт, обуславливающих для аудитории своего рода знак нереальности или сомнительности сообщаемой информации. Среди данных приглашенных участников в первую очередь следует назвать Е.М. Чекалину (филологический факультет МГУ). Ее доклад «Неопределенное лицо в шведском языке: man, en, hen» был посвящен маркерам псевдонеопределенности, которые теоретически не предполагают включение субъекта речи в неопределенное множество

Между строк...

¹ Проект № 18-12-000131а «Между строк... или Грамматика нереального-3».

референтов грамматического субъекта высказывания. Однако, как она показала в докладе, в большинстве случаев субъект высказывания оказывается достаточно прозрачным для аудитории, поскольку является обусловленным вербальным или ситуативным контекстом. Так, например, в интервью, которое дал журналистам король Швеции Карл Густав XVI, постоянно встречается местоимение *man* 'некто, кто-то, некоторые'. Но данная неопределенность предстает как мнимая, поскольку совершенно очевидно, что в этом случае аудитории понятно, что имеются в виду его родители. Кроме того, как показала Е.М. Чекалина, кроме контекстуального объяснения, следует обратить внимание и на грамматические особенности употребления данных неопределенных местоимений, поскольку употребление супплетивных форм их генитива оказывается маркером включенности субъекта речи в неопределенное множество референтов грамматического субъекта. Сохранение номинативных форм, напротив, маркирует невключенность субъекта в совокупность референтов. Доклад вызвал очень живую дискуссию и, что естественно, желание применить полученные выводы к материалу других языков и текстов, как современных, так и средневековых.

Доклад Э.Б. Крыловой (филологический факультет МГУ) «Зачем датскому императиву субъект?» касался выражения модальности в императивных конструкциях в современном датском языке. Так, как было показано на материале проанализированных примеров, введение грамматически факультативного *du* 'ты' оказывается возможным, когда каузируемое действие оценивается говорящим как желаемое слушающим. Однако в ряде случаев место личного местоимения могут занимать и частицы, также превращающие императив в оптатив и создающие эффект разрешения субъекту совершить действие, якобы им желаемое (ср. русск.: *Иди сюда, Ты иди сюда, Ну иди же сюда*). В целом доклад продемонстрировал тонкое чувство языка у исследовательницы (давно и широко признанной датским лингвистическим сообществом), а также высокий уровень ее теоретической подготовки, хотя был встречен несколько более холодно, поскольку к общей теме круглого стола – письменные, созданные в монастырской среде и имеющие иную прагматику языковые памятники – он скорее имел отношение косвенное. В то же время в ходе обсуждения возникла идея возможности приложения полученных Э.Б. Крыловой результатов, например, к передаче прямой речи в исландских и ирландских сагах, где также в ряде случаев присутствует тонкое нюансирование смысла высказывания, причем в первую очередь в императивно-оптативных конструкциях.

Третьим «приглашенным» участником стала И.М. Нетунаева (РГГУ, историко-филологический факультет), которая в докладе «Особенности функционирования форм оптатива 1 лица множественного числа в готском переводе Библии» также обратилась к тонким различиям в интерпретации собственно референции готским переводчиком инклюзивного и эксклюзивного «мы» (последнее – в обобщающем значении «вы, люди в целом»), представленного в основном в передаче Притч и Проповедей Христа (к сожалению, ее материалы не содержатся в сборнике тезисов). Остается удивляться тонкости языкового чутья готского переводчика Писания, который, безусловно, находился вне собственной языковой среды и ориентировался не на готов-новокрещенов, а, скорее, на латинскую и греческую риторическую традицию. Иными словами, Вульфила, кем бы он ни был на самом деле, во многом предвосхитил развитие внутреннего мировосприятия своей «паствы».

М.А. Волконская в своем докладе, отчасти продолжающем доклад Нетунаевой, обратилась к уже разработанной ею ранее теме – прагматике древнеанглий-

ских проповедей и гомилий. Однако на этот раз в качестве опорного материала были выбраны не труды Лидгейта (см. [Волконская 2018]), но риторические труды Эльфрика, а также каноника Орма. Интересно, что, как и в описанных выше докладах, в качестве главного фокуса рассмотрения и анализа оказался материал не культурно-исторический, а чисто лингвистический. Описывая регулярные употребления «мы» у древне- и среднеанглийских авторов, докладчица пришла к выводу, что они отражают прагматику проповедника, который старается таким образом сделать свою речь не категорически императивной, но в большей степени сочувственной. В то же время употребленное в проповеди «ты», как она полагает, должно было активизировать внимание прихожан («ты» оказывалось как бы адресованным каждому из паствы индивидуально). Не уверена в правомерности данной трактовки: как кажется, данное употребление должно скорее иметь характер обобщающий, в качестве прецедентного текста имея новозаветную традицию (притчи и отдельные фрагменты из учений Христа).

В рамках все того же лингвистического подхода к анализу материала Т.А. Михайлова обратилась к нетривиальному явлению: анализу семантики употребления форм 2 sg. в ирландской монастырской лирике. Данные употребления являются очень редкими и по сравнению с формами 1-го лица для монастырской лирики нехарактерными. В ходе работы было обнаружено всего около 10 примеров (поиски продолжаются), причем все они относятся к маргинальным вкраплениям в уже готовую рукопись и никак не связаны с содержанием собственно переписываемого текста (в отличие от обильных интерлинейных глосс, также содержащих поэтические фрагменты, имеющие совершенно иную прагматику). Семантика данных употреблений не ясна. Так, с одной стороны (при сопоставлении, например, с образцами современной поэзии типа блоковского «умрешь, начнешь опять сначала...»), в них можно увидеть обобщенно-личную семантику. С другой стороны, сопоставления с латинской лирикой позволяют предположить, что «ты» в них равнозначно «я» (ср. «Что же ты, Катулл, предаешься праздности» или современное: «Никому не нужна ты / в этой жизни проклятой!» – Аделаида Герцык, 1922). Но, естественно, встает вопрос: а как именно расценивал данные употребления и сам неосознанный автор строк подобного типа, и его аудитория (в ряде случаев были найдены вторичные глоссы, выполненные другой рукой). Иными словами: мог ли древнеирландский переписчик уже достичь требуемого уровня интроспекции, с одной стороны, и располагал ли он прецедентными синтаксическими структурами в рамках самого языка, с другой? Как считает ряд исследователей, стихи, подобные «Найди себе угол в этом карцере / нет ни перины, ни ложа...», являются не жалобой монаха на аскетические условия существования, но как бы адресованы... Иоанну Крестителю, взятому под стражу. И действительно, в ирландских маргинальных рукописных памятниках ряд чисто лирических образцов (например, лирики природы) непременно получают «привязку» к вымышленному персонажу, который якобы произнес эти слова. Однако соотнесение момента речи с событиями прошлого, как показала еще О.М. Фрейденберг, как раз и характеризует ранние формы лирики, которые в качестве субъекта имеют 3-е лицо (тогда как эпос, напротив, 1-е лицо). Баланс между субъективностью и объективностью сообщаемой информации как раз и выражается при помощи бинарной трактовки текста. Т.А. Михайлова высказала предположение, что данный ракурс интерпретации автоматически должен проецироваться и на стихи, имеющие псевдообращение к вымышленному персонажу.

Н.Ю. Гвоздецкая, как и год назад, вновь обратилась к проблеме изображения «нереальных» сущностей, представленных в древнеанглийских видениях. В докладе был сделан как бы следующий шаг в развитии темы, и жанр видений (существующих как самостоятельно, так и в качестве фрагментов житийной традиции) был интерпретирован ею как проявление сверхчувственного восприятия, обострявшего зрительную и аудиооперцепцию. Причем, что представляется логичным, в докладе предлагалось разграничивать собственно визионерский опыт и рассказ о видении, имеющий как субъекта (не всегда совпадающего с нарратором), так и подготовленную аудиторию. Иными словами, рассказ о видении был представлен как один из способов вербальной коммуникации, опирающейся на уже существующий канон существования жесткой грани, отделяющий «реальное» от сверхъестественного. Однако, в контексте религиозной мистики, причем именно в момент порождения текста, данная грань оказывается как бы стертой. Теория нуждается в подтверждении более широким материалом, и работа в данном направлении будет продолжена.

Необычайно интересным оказался доклад Н.Ю. Живловой, которая, будучи историком и специалистом по ранней Церкви в Ирландии, следуя общему духу круглого стола, также обратилась именно к лингвистическому анализу материала. Согласно ее смелому предположению, некоторые фрагменты житийной патрикианской традиции были вызваны плохим знанием латыни и неверной интерпретацией принадлежащих самому св. Патрику слов о том, что ирландцы призывают его как «святого мальчика». Употребленное им в исповеди слово *puer* было интерпретировано как субъект – и оказалось, что его призывают «мальчики». Откуда и ряд преданий о крещении Патриком сыновей и дочерей ирландских правителей. Добавим к этому, что древнеирландский эквивалент латинского *puer* – *macc* на раннем этапе имел значение «ребенок, независимо от пола», а не только «сын», что делает ее предположение еще более правдоподобным. Как представляется, тема коммуникативной неудачи, возникающей в ходе культурного (язычество – христианство) и лингвистического (латынь – ирландский) трансфера представляется очень перспективной в целом.

Доклад Е.Р. Сквайрс опирался на интерпретацию синтаксических структур, позволяющих и (как она показывает) даже намеренно допускающих и предполагающих неоднозначные трактовки. Так, анализ двуязычных правовых текстов XIII–XIV вв., появившихся в результате торговых контактов Ганзы и Новгорода, демонстрирует содержащуюся в них изначальную неоднозначность, что, казалось бы, для юридических текстов предстает как абсурд. Однако тщательное структурирование составителем текста с русской стороны понятия обмена или клятвы далеко не всегда однозначно интерпретируется немецкими «партнерами», что намеренно создается посредством введения в тексты договоров многослойных синтаксических структур.

Доклад Т.Л. Шенявской о специфике употребления сослагательного наклонения в исландских сагах также касался проблемы возможности разных интерпретаций в области синтаксической семантики и лингвистического анализа текста. В основе анализа лежали формы глагола *kalla* ‘звать, называть(ся)’, разнообразие которых дает возможность компилятору тонко отграничить рассказ о событиях, которые он считает истинными, от сообщения о вымышленных и нереальных событиях, а также дистанцировать собственно имя персонажа от его же постоянного прозвища и окказионального наречения.

Доклад Е.Ю. Старостиной оказался несколько неожиданным. Он опирался не на собственно анализ текста, но на рукописный материал как таковой и на маргри-

нальные вкрапления в «формате листа». Ее вывод оказался довольно неожиданным: надписи на верхнем и нижнем полях манускриптов, добавленные явно позднее, она предлагала рассматривать не столько как тексты, сколько как своего рода орнаментальные обереги рукописей и сравнивала их с часто встречающимися на полях изображениями собак.

Не могу не высказать и критических замечаний. С одной стороны, безусловно полезной оказалась предварительная публикация материалов круглого стола в издательстве «МАКС Пресс». Таким образом участники имели возможность подготовить вопросы и высказывания для дискуссии; кроме того, с основными положениями докладов смогут познакомиться и те, кто на самом заседании не был. Но данная публикация изобилует опечатками, отчасти возникшими уже в ходе макетирования, но не вычитанными и не устраненными издателями (т. е. мною. – Т.М.). Отчасти положение может быть как-то исправлено перед размещением материалов круглого стола на сайте «Атлантика» (см. ниже).

Проведение аналогичного круглого стола через год, пока – в рамках проекта РФФИ, наверное предстает как ожидаемое и логичное. Точная тема его пока еще не совсем ясна. Однако невольно возникает подозрение и даже опасение, что данные встречи уже начинают восприниматься в определенном кругу как периодические, а сочетание «Грамматика нереального» становится своего рода брендом. Наверное, в этом нет ничего плохого, и мы ждем новых заявок.

Материалы круглого стола, его программа, а также материалы других конференций, проведенных кафедрой, можно теперь увидеть на сайте по исторической поэтике: www.historicalpoeticsatlantica.com. Идея создания сайта, где можно было бы выложить в первую очередь материалы уже опубликованных выпусков альманаха «Атлантика. Записки по исторической поэтике», назревала уже давно. Сейчас, благодаря финансовой помощи фонда РФФИ, коллектив получил эту возможность. Но дело даже не в материальной поддержке, не так она и велика. Дело, скорее, в поддержке моральной, потому что именно благодаря постоянному интересу фонда наш коллектив неизменно ощущает себя нужным и востребованным. А это самое главное. Приглашаем всех посетить нашу страницу.

ЛИТЕРАТУРА

Волконская М.А. Средневековые английские тексты о «плодах мессы»: грамматика нереального и изменчивость традиции // *Скрытые смыслы, или Грамматика нереального-2: Материалы круглого стола: 14 декабря 2018 г.* М.: МАКС Пресс, 2018. С. 12–20.

Михайлова Т.А. Круглый стол «Грамматика нереального» // *Stephanos*. 2017. № 5(25). С. 241–245.

Старостина Е.Ю. Круглый стол «Скрытые смыслы? или Грамматика нереального-2» (филологический факультет МГУ, 14 декабря 2018 г. // *Вестник Московского университета*. Серия: Филология. 2019. № 4. С. 247–251.

REFERENCES

Volkonskaya M.A. Medieval English Texts on the “Fruits of the Messe”: The Grammar of the Unreal and the Volatility of Tradition. In: *Hidden Overtones, or A Grammar of Unreal-2: Proceeding of the Round Table: 14 December 2018*. Moscow. MAKS Press Publ., 2018, pp. 12–20.

Mikhailova T.A. Round Table “A Grammar of Unreal”. *Stephanos*. 2017. No 5(25), pp. 241–245.

Starostina E.Yu. Hidden Overtones, or Grammar of Unreal-2 (about the workshop at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, December 14, 2018). *Moscow State University Bulletin. Series: Philology*. 2019. No 4, pp. 247–251.

Сведения об авторе:

Татьяна Андреевна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatyana A. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

tamih.msu@mail.ru